Фатенко

Ай во стольнем во городе во Киёве,
Кабы было ле пированьё-столованьё
Да про многия князи, да про бога́тырей.
Тут сидели-то две жоны, дак две боярони:
Как одна-то была Маринка Чусова вдова,
А друга была Овдотья да дочь Облудишна.
Они пили-то, ели, потешалисе,
Промежду они собой дак проклаждалисе;
Наливала тут Овдотья да зелена вина,
Подавала ле Маринке да Чусовой вдове,
Как сама она за чарой да слово молвила:
— Ищэ. што же нам людьми дак засылатисе,
Ищэ што же нам людьми дак заменетисе, —
У меня-то ведь есть дак блад ясен сокол,
Блад ясен сокол да сын Фатенушко,
У тебя ведь есть да право бела́ лебедь.
Не можно́ ле как ведь нам да ныньце род свести?
    На ётмах Маринка цяру ту отводила:
Как сама ёна за цярой да слово молвила:
— Кабы есть у тя кура-то подслепая,
Как по городу ходит да всё юродует,
Кабы звали у его отца-та цюдищём,
Прозовут ныньце его право верблюдищем.
    Кабы тут же Евдотье да за беду стало,
За велику ей досаду показалосе,
Да ставала Овдотья да со чесна пиру,
Да пошла она теперецe назад домой,
Повеся идет дак буйной головой.
Потопя ле держит дак да очи ясные,
Очи ясные держит дак в мать сыру землю.
Увидал да ее дак блад ясен сокол,
Блад ясен-то сокол да сын Фатенушко,
Он встрецеёт свою матерь родимую:
— Ах ты ой еси, матушка родимая!
Уж ты давеця пошла дак ёчунь весела,

Кабы ноньце идешь очюнь невесела.
Разе место тебе было не по разуму?
Разе стольнички у тебя были не вежливы?
Да поднощички были не очесливы?
Разе винны-то цяры да не доходили?
Але пивные стоканы да не доносили?
Говорит ему матушка родимая:
— Кабы место-то мне было по разуму.
Кабы стольнички были у мня вежливы,
Да поднощички были у меня очесливы,
А и пивны-ти стоканы да мне доходили,
Да е винныя цяры да мне доносили.
Мы сидели две жоны, дак две боярони,
Наливала я цяру дак зелена вина,
Подавала я Маринке Чусовой вдовы,
Как сама ле я за цярой да слово молвила:
«Как у мня ле ноньце есь да блад ясен сокол,
Блад ясен сокол да сын Фатенушко,
Как у тя ле есь право бела лебедь,
Не можно ле нам тепереце да род свести?»
На ётмах она цяру ту отводила,
Да сама она за цярой да слово молвила:
«Кабы есь у тя куря-то подслепая,
Как по городу ходит да все юродуёт,
Она кой день зерно найдет — сыта живет,
Она кой день не найдет — на то голодна,
Кабы звали ле отца да ноньце цюдищем,
Прозовут ле его ноньце верблюдищём».
Кабы тут ле Фатенку за беду стало,
За велику ле досаду да показалося,
Он юздал де, седлал да коня доброго,
Он двенадцеть де подпруг лошадиныих,
Он тринадцету клал через хребетницу, —
Как не для ради басы, да ради крепости,
Не оставил бы его да конь в чистом поли.
Приезжал он к Маринкину ко терему.
Закрычал тут Фатенко да зычным голосом:
— Уж ты ой еси, Маринка да Чусова вдова,
Уж ты дай мне-ка в поли да поединщика!

Ты не дашь мне-ка в поли да поединщицька,
Я ведь скрою твой терем да по ёкошечкам.
У Маринки-то было да нынь деветь сынов,
Как деветь де сынов да ясных соколов,
Говорила им Маринка да ясным соколам:
— Ох вы ой еси, мои да ясны соколы!
Вы пойдите за Фатенком да во чисто поле.
Говорят ле ее да ясны соколы:
— Мы не едем за Фатенком во чисто поле,
Как Фатенкова смерть да ёчунь страшная.
Говорит-то Маринка да ясным соколам:
— Я бы лучше носила да нынь деветь камней,
А не тех бы носила да я деветь сынов,
Я бы бросила камни да во синё морё,
Кабы сделалась кошоцька подводная,
Да подводная кошоцька розбойная,
Да розбила бы Фатенка да на синём мори.
Да нехто не поехал да во чисто полё.
Приезжал-то Фатенко да из чиста поля,
Закрычал-то Фатенко да зычным голосом:
— Ох ты ой еси, Маринка да Чусова вдова!
Выходи-ко ты теперь да вон на юлицу.
Ак не вышла она да вон на юлицу,
Он ведь скрыл у ей терем да по ёкошечкам,
Да вытаскивал Маринку да вон на улицу.
На одну ле ногу стал, да другу оторвал,
Да остатки трупьё да жеребчу за хвост.

(Записано Н. Е. Ончуковым в 1902 г. от Анкудина Ефимовича Осташова, 78 лет, в д. Замежное на р. Пи́жме, левом притоке Печоры, впадающем в нее близ Усть-Цильмы)

Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1904.